

Александр Иванович Эртель

Письма А.И. Эртеля

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
382

Э82 **Эртель А.**
Письма А.И. Эртеля / Александр Иванович Эртель – М.: Книга по Требованию, 2023. –
440 с.

ISBN 978-5-521-39303-9

ISBN 978-5-521-39303-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Міровоззрѣніе А. И. Эртеля.

Если читателю раньше другихъ попадутся на глаза тѣ отрывки изъ писемъ Эртеля, гдѣ рѣчь идетъ о достовѣрности познанія, о свободѣ воли и другихъ вопросахъ теоретической философіи, онъ получитъ невыгодное представленіе о писавшемъ. Дѣйствительно, Эртель не обладалъ ни даромъ отвлеченнаго мышленія, ни даже сколько-нибудь серьезной философской образованностью, какъ это онъ и самъ охотно признаетъ. И тѣмъ не менѣе, онъ былъ замѣчательный мыслитель, и мысли, постепенно выработанныя имъ, представляютъ въ совокупности чрезвычайно оригинальную и цѣнную систему идей. Сила его мышленія — въ той области, которую Кантъ отводитъ *практическому* разуму.

Эртелю нужно было міровоззрѣніе, какъ рабочему человѣку нужна техника его ремесла, какъ тому, кто садится играть въ карты, нужно знать правила игры. Онъ былъ, прежде всего, человѣкъ дѣла. Ему дана была отъ природы огромная жизнеспособность, точно въ немъ билъ неизсякаемый родникъ, напоившій до-полна его чувства и волю. Нельзя вообразить себѣ бѣльшаго контраста, нежели тотъ, который представляла эта полнокровная натура среди худосочной и вялой русской интеллигенціи 80-хъ годовъ. По своему отношенію къ жизни люди дѣлятся на три разряда: одни пассивно — роппа или безропотно — несутъ тяжесть, которую накладываетъ на нихъ жизнь, другіе болѣе всего увлечены созерцаніемъ жизни, третьи по внутренней потребности активно творятъ жизнь. Эртель былъ яркимъ представителемъ этого третьяго типа — дѣлателей

жизни. О немъ ошибочно было бы сказать, что онъ былъ даровитымъ писателемъ или даровитымъ агрономомъ: онъ обладалъ въ сущности однимъ талантомъ — рѣдкимъ талантомъ жить, и все остальное было отсюда. Я думаю, что и писать онъ началъ потому, что, томясь въ вынужденномъ бездѣйствіи, инстинктивно стремился хоть воображеніемъ жить въ непрерывной смѣнѣ явленій и дѣйствій,—а что сельское хозяйство удовлетворяло его именно кипучей дѣятельностью, безотносительно къ ея цѣли, это онъ многократно самъ говоритъ. Какъ всякій талантъ опредѣляется любовью и жаждой творчества, такъ и онъ страстно любилъ жизнь и былъ полонъ энергіи на дѣло. Все въ жизни было ему интересно, и никакое дѣло не казалось скучнымъ; его письма поражаютъ этой свѣжестью воспріятія и неутомимой бодростью воли.

Такому человѣку нельзя быть безъ міровоззрѣнія. Дѣлать жизнь — не поле перейти. Жизнь сложна, запутана, многостороння; дѣлать жизнь — трудная профессія, требующая большихъ знаній, а главное — опредѣленныхъ приемовъ. Но врожденный талантъ не боится трудностей своего ремесла, напротивъ — онѣ его увлекаютъ. Эртель зналъ практическую жизнь, какъ немногіе; стоило ему по обстоятельствамъ своей жизни попасть въ близость съ какой-нибудь группой явленій, онъ не успокоивался, пока не изучалъ ее до дна, — будь это крестьянскій бытъ или коннозаводство, и все, что онъ зналъ, онъ зналъ твердо, отчетливо, до мелочей. Но одного знанія мало: надо еще умѣть; надо постигнуть всѣ тайны ремесла и выработать себѣ вѣрныя, цѣлесообразныя правила. Въ примѣненіи къ жизненному творчеству это значитъ пріобрѣсти міровоззрѣніе.

Таково и было міровоззрѣніе Эртеля. Оно носитъ совершенно практическій характеръ. Это система идей, въ которой учтены всѣ силы, какими строится жизнь, — какъ матеріальныя, такъ и нравственныя, — и которая въ цѣломъ представляетъ собою какъ бы руководство поведенія. Эртеля нисколько не занимаетъ ни научный анализъ того, что есть, ни мечты идеалистовъ о томъ, что должно быть; ему нужно только знать, какъ жить. Этотъ вопросъ, разумѣется, объемлетъ два первыхъ, но не въ

полномъ размѣрѣ. Очевидно, что для правильнаго рѣшенія задачи о томъ, какъ жить, нужно уяснить себѣ, во-первыхъ, каковы неизмѣнныя свойства сущаго, во-вторыхъ, каковы его непреодолимыя скрытыя тенденціи; иначе рѣшеніе будетъ ошибочнымъ. Именно такъ, совершенно практически, стоялъ этотъ вопросъ для Эртеля. Все его міровоззрѣніе представляетъ собою отвѣтъ на двойственный вопросъ: что *позволяетъ* сдѣлать жизнь, и чего она *требуетъ*? Жизнь для него—заранѣе данное; было бы безцѣльно противоудѣйствовать ея свойствамъ или игнорировать ея тенденціи; все, что можетъ сдѣлать человѣкъ,—это сознательно направлять дѣйствіе ея свойствъ съ цѣлью ускорить осуществленіе заложенныхъ въ ней возможностей. Но для этого надо прежде всего безпристрастно и добросовѣстно изучить и тѣ, и другія. Итогомъ этого изученія и было міровоззрѣніе Эртеля.

Оно сложилось въ немъ въ промежутокъ приблизительно съ 1888-го по 1893 годъ и въ цѣломъ осталось неизмѣннымъ до его смерти. Въ предлагаемыхъ письмахъ, разумѣется, не предназначавшихся для печати, оно выражено съ полнотою и ясностью, не оставляющими ничего желать; его можно безъ натяжекъ изложить въ видѣ стройной системы, какою оно въ дѣйствительности и было.

Чисто-практическій, такъ сказать, дѣловой характеръ этой системы обнаруживается уже въ томъ, какими предѣлами Эртель ограничиваетъ поле своего изслѣдованія. Онъ изучаетъ не космосъ, а исторію, не бытіе, а человѣческую дѣйствительность. Вопросъ объ изначальной силѣ, движущей міръ, и о конечной цѣли этого движенія, онъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія. Былъ моментъ, въ самомъ началѣ его исканій, когда этотъ вопросъ всталъ предъ нимъ во всей своей остротѣ; онъ спрашивалъ себя: зачѣмъ зло и страданіе въ мірѣ, для чего нужно Богу терзать все живущее такими несказанными муками? И тогда обычный выходъ—смиреніе передъ невѣдомымъ, передъ видимымъ безсмысліемъ исторіи—казался ему нелѣпостью; тогда онъ на минуту почувствовалъ, что въ этомъ вопросѣ—все, что, не рѣшивъ его, нельзя жить.—Но только на минуту; такія натуры не утопаютъ въ метафизикѣ. Ему

слишкомъ хотѣлось жить, чтобы метафизическое оправданіе жизни могло долго занимать его; да и по существу его воля не нуждалась въ такомъ оправданіи: онъ слишкомъ любилъ самый процессъ жизни, чтобы даже безцѣльность ея могла поколебать эту любовь. Онъ очень скоро и рѣшительно раздѣлался со своими сомнѣніями: цѣль бытія намъ невѣдома, да и не нужно ея знать; ее знаетъ, тотъ, кто править жизнью, съ насъ же довольно — жить. Однако изъ этого не слѣдуетъ заключать, что Эртель былъ рационалистомъ. Напротивъ, какъ разъ живое чутье дѣйствительности научило его тому, что въ основѣ всего видимаго есть элементъ невидимый, но не менѣе реальный, и что не учитывать его въ практическихъ расчетахъ значитъ рисковать ошибочностью всѣхъ расчетовъ. Оттого позитивизмъ, какъ міровоззрѣніе, казался ему нестерпимой бессмыслицей. Онъ полагалъ, что существуетъ двоякое знаніе: строго-научное, обязательное для всѣхъ, и не научное, субъективное, составляющее основу религіи, метафизики и искусства; это второе знаніе онъ называетъ органическимъ, и горячо отстаиваетъ его законность подъ тѣмъ условіемъ, чтобы оно не посягало на разрѣшеніе проблемъ, подлежащихъ вѣдѣнію точнаго знанія, и не противорѣчило выводамъ послѣдняго. Какой-нибудь связи между обѣими сферами знанія онъ не устанавливалъ; его міровоззрѣніе характеризуется строгимъ дуализмомъ.

Основной тезисъ его философіи можно формулировать такъ. Жизнь рѣзко распадается на явленія двухъ родовъ: на явленія, не зависящія отъ нашей воли, а зависящія исключительно отъ воли того великаго неизвѣстнаго, которое мы называемъ Богомъ; къ такимъ явленіямъ мы должны относиться съ безусловной покорностью, потому что здѣсь протестъ и борьба безцѣльны и могутъ только ослабить бунтующаго; и, во-вторыхъ, на явленія, зависящія отъ нашей воли и устранимыя: по отношенію къ нимъ борьба и умѣстна, и необходима. Первое правило поведенія — научиться различать эти двѣ области, чтобы не ошибаться въ томъ, гдѣ нужна резиньція и гдѣ борьба; въ смѣшеніи этихъ двухъ областей — источникъ величайшихъ, опаснѣйшихъ заблужденій. Въ жизни двѣ

задачи: одна съ очевидными данными, другая — съ цѣлымъ рядомъ неизвѣстныхъ; нормально-мыслящій человѣкъ рѣшаетъ только первую, а вторую или оставляетъ нерѣшенной, или рѣшаетъ субъективно, вѣрою, не обязательною для другихъ. Область резиньяціи не такъ велика, какъ область борьбы; во всякомъ случаѣ, борьбы хватитъ на всю жизнь, и это собственно и есть жизнь: борьба, какъ рѣшеніе задачи съ очевидными данными. Такой нормально-мыслящій человѣкъ — необходимо оптимистъ; недовольство жизнью происходитъ только отъ неумѣнія разграничивать обѣ области.

Итакъ, ареною, на которой единственно можетъ и должна осуществляться наша сознательная дѣятельность, является общественная жизнь; бороться можно и должно только съ тѣмъ зломъ, которое коренится въ условіяхъ общежитія. Спрашивается: каковы же природныя силы, дѣйствующія на этой аренѣ, и въ чемъ можетъ заключаться наше сознательное вмѣшательство?

Формы общежитія, по мысли Эртеля, представляютъ собою равнодѣйствующую безчисленныхъ интересовъ, страстей и привычекъ, другими словами, логическій выводъ изъ непреложныхъ историческихъ причинъ; въ этомъ смыслѣ исторія чело-вѣчества — стихійный процессъ. Но стоитъ присмотрѣться нѣсколько внимательнѣе, и за всѣми страстями и интересами, за всей такъ называемой «логикой событій», открывается присутствіе иной движущей силы — нравственного сознанія людей. Въ человѣческой душѣ заложено неискоренимое стремленіе къ любви, къ всеобщему благоволенію. Это стремленіе есть единственная реальность исторіи; всѣ остальные силы, дѣйствующія въ исторіи, условны и измѣнчивы; безусловно только стремленіе къ любви, и только въ немъ — назначеніе чело-вѣка. Здѣсь Эртель является вѣрнымъ послѣдователемъ Толстого. Онъ отказывается мыслить о сущности Божества; въ одномъ мѣстѣ онъ даже прямо говорить, что Богъ представляется ему не реальностью, а нѣкоторымъ искомъ — «можетъ-быть, знакомъ реальности, а можетъ-быть, и знакомъ абстракціи»; единственное, что онъ считаетъ возможнымъ утверждать, это — что

VIII

стремленіе къ любви есть отраженіе Бога въ человѣческой душѣ ¹⁾.

Такимъ образомъ, идеальное направленіе жизни намъ дано непосредственно: это любовь. Казалось бы, достаточно дать волю въ себѣ этому Божественному инстинкту, достаточно направить всѣ силы на утвержденіе любви, чтобы достигнуть блага. Но опытъ показываетъ, что это не такъ: одной любви мало для правильнаго устроенія жизни. Кромѣ способности любить, человѣку присуща другая высшая способность — познавать, и благо не можетъ быть достигнуто иначе, какъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ обѣихъ этихъ способностей. Это кардинальный пунктъ философіи Эртеля; поэтому и намъ слѣдуетъ рассмотреть его подробно.

Способность познаванія, говоритъ Эртель, составляетъ главное отличіе человѣка отъ животныхъ, ему обязано человѣчество всѣми своими успѣхами въ борьбѣ съ природою и съ бессознательнымъ началомъ въ себѣ; но сама по себѣ работа этой способности не ведетъ къ благу. Можно представить себѣ такой случай, когда отдѣльный человѣкъ дѣйствительно обезпечилъ себѣ счастье при помощи одного разума, но это возможно только подъ условіемъ полнаго обособленія отъ людей, такъ какъ при малѣйшей попыткѣ связать эту отдѣльную счастливую жизнь съ жизнью другихъ людей обнаруживается вся фальшивость и мертвенность достигнутаго блага. То же самое наблюдается и въ общественной жизни, когда она направляется исключительно разумомъ; тогда могутъ пышно расцвѣсти науки, могутъ быть достигнуты огромные успѣхи въ борьбѣ съ природою, но жизнь исказится, такъ какъ способность познаванія нисколько не мѣшаетъ людямъ пожирать другъ друга.

Но совершенно такъ же и одна способность любви не обезпечиваетъ блага. Она вноситъ теплоту, бодрость и жизне-радостность въ личную жизнь и въ людскія отношенія; но

¹⁾ Мы увидимъ ниже, что, на ряду съ добромъ, Эртель придаетъ абсолютный смыслъ также истинѣ и красотѣ.

отдѣленная отъ способности познаванія, она опять-таки можетъ составить благо только отдѣльнаго человѣка, несовмѣстимое съ благомъ общества. Какъ тамъ источникомъ зла является эгоизмъ, такъ здѣсь — глупость, и въ обоихъ случаяхъ достигается не благо, а зло.

Отсюда Эртель выводитъ такой историческій законъ: никакое религіозно-нравственное ученіе, какъ бы высоко оно ни было, не можетъ привести людей къ благу безъ союза съ наукою и искусствомъ. Подтвержденіе этого закона онъ видитъ въ исторіи всѣхъ религій, и прежде всего — въ исторіи христіанства. Высокое и разумное ученіе Христа только потому исказилось и породило весь ужасъ и тѣму среднихъ вѣковъ, что оно первоначально попало въ руки людей, хотя глубоко искреннихъ и нравственныхъ, но невѣжественныхъ, пренебрегшихъ наукою и искусствомъ древняго міра. Если бы не была насильственно погублена классическая образованность, зло, сопутствовавшее христіанству, было бы невозможно: невозможны были бы дикіе богословскіе споры и весь бредъ догматики, невозможны были бы кровавыя гоненія, инквизиція, процессы вѣдьмъ и пр. Одно нравственное ученіе можетъ давать благо цѣлой группѣ людей — народу или общинѣ — только въ исключительныя минуты; такъ было и съ христіанствомъ въ первыя его времена, въ эпоху гоненій. Но при нормальномъ порядкѣ жизни высокій подъемъ чувства непременно ослабѣваетъ, и тутъ, если нравственное ученіе не имѣетъ у себя на стражѣ науки и искусства, оно быстро покрывается такимъ слоемъ суевѣрій и предрасудковъ, который дѣлаетъ его неузнаваемымъ.

Поэтому ошибочно ждать улучшенія жизни отъ одной любви, отъ нравственности; нѣтъ, мы должны одинаково дорожить и тѣмъ, что развиваетъ въ людяхъ способность любви, и тѣмъ, что развиваетъ способность познаванія, и, наоборотъ, все то, что тормозитъ дѣйствіе той или другой способности, равно достойно отрицанія и борьбы. Благо — не въ одномъ стремленіи жить по завѣту Христа: оно вездѣ, гдѣ есть живая дѣятельность на общую пользу, подвигаемая любовью къ людямъ, хотя бы самъ дѣятель былъ атеистъ и не вѣрилъ въ

Христа; мало того: даже дѣятельность, временно направленная къ явному злу, въ конечномъ итогѣ послужить благу; такъ, власть, вѣками накопленная въ какомъ-нибудь правительствѣ для разбойничьихъ цѣлей, въ свое время послужить прогрессивнымъ цѣлямъ. Вольно или невольно, науки и искусства неизбѣжно служатъ Божьему дѣлу на землѣ, и ученый химикъ или политико-экономъ, талантливый поэтъ или скульпторъ — въ такой же мѣрѣ апостолъ Христа, какъ и любой изъ Его учениковъ, потому что они разрыхляютъ и удобряютъ ниву Христа. Пусть они не могутъ сказать ничего новаго послѣ Него, но, идя совершенно инымъ путемъ, нежели указано Имъ, и даже враждуя съ Нимъ, они дѣлаютъ Его же дѣло, на тысячу новыхъ ладовъ обосновывая Его положенія, высказанныя въ свое время только интуитивно.

Итакъ, основное правило поведенія, сознательно направляемого къ благу, гласитъ: люби съ разумомъ. Отсюда вытекаетъ для Эртеля цѣлый рядъ важныхъ практическихъ указаній.

Этимъ правиломъ, прежде всего, исключаются всякіе *насильственные* приемы въ борьбѣ съ неправдою. Если нашъ долгъ — бороться со всѣмъ, что препятствуетъ любви и разуму, то по существу ясно, что мы не можемъ пользоваться въ этой борьбѣ такимъ оружіемъ, которое само подрываетъ любовь, ибо, сознательно употребляя насиліе, я тѣмъ самымъ вношу въ свою душу зло, именно превратное понятіе о моемъ правѣ, — другими словами, покупаю временное благо цѣною абсолютнаго зла. Это вѣрно не только по отношенію къ личной борьбѣ со зломъ, но и по отношенію къ общественной. Общество располагаетъ могущественными средствами къ водворенію правды: при помощи законодательной мѣры или института оно ставитъ личность въ такія условія, которыя постепенно измѣняютъ ея взгляды въ желательномъ смыслѣ; такъ повліяла, напримѣръ, отмѣна крѣпостнаго права на взгляды крѣпостниковъ. Дѣйствуя такъ, общество неминуемо должно пользоваться принужденіемъ; но, во-первыхъ, это принужденіе точно такъ же не должно носить насильственнаго характера, т.-е. осуществляться при помощи штыковъ и казней, во-вторыхъ, оно дол-

жно примѣняться только въ тѣхъ случаяхъ, когда общественное мѣропріятіе имѣетъ за себя ясно-сознанныя большинствомъ справедливыя понятія: тогда принужденіе по существу является уже не насиліемъ, а какъ бы врачебнымъ средствомъ, долженствующимъ поставить заостенѣвшее въ старыхъ понятіяхъ меньшинство въ условія, благопріятныя для душевнаго выздоровленія.

Далѣе, изъ общаго правила — «любить съ разумомъ» — вытекаетъ сознаніе, что никакое отвлеченное начало, какъ бы оно ни было ²вызвышено, нельзя примѣнять къ жизни въ чистомъ видѣ: это было бы такъ же неразумно, какъ вводить въ растеніе чистый азотъ, хотя азотъ и нуженъ растенію. Жизнь сложна и запутана, вся она въ цѣломъ — результатъ исторической необходимости, люди не одинаковы и не ангелы, и каждая личность — результатъ наслѣдственныхъ пороковъ и добродѣтелей. Такъ какъ мы принуждены осуществлять истину не въ безвоздушномъ пространствѣ, а въ исторической средѣ, то всякое осуществленіе ея неминуемо должно быть компромиссомъ, соглашеніемъ между безусловной идеей и исторической необходимостью. Истина возьметъ свое, ея движеніе неудержимо, но движется она не прямо, а зигзагами, медленными усиліями, постоянными сдѣлками съ бытомъ, съ наслѣдственными чувствами и вѣрованіями, и отдѣльный человекъ, стремясь ускорить это движеніе, долженъ точно такъ же дѣйствовать не напроломъ, а въ условіяхъ возможнаго. Спасти³сь одной нравственностью можно, но вѣдь дѣло идетъ не объ эгоистическомъ спасеніи, а разъ мы подъ нравственной жизнью понимаемъ такую жизнь среди людей, среди ихъ привычекъ, заблужденій, страстей, ошибокъ и правды, то очевидно, что надо изучить этотъ матеріалъ и считаться съ нимъ. Опредѣляя свое поведеніе только въ интересахъ своей души, только по закону правды, мы неминуемо причинимъ тяжелый вредъ людямъ. И здѣсь опять-таки непреложнымъ мѣриломъ является тріединая цѣнность — любви, знанія и искусства. Хорошо все то, что содѣйствуетъ ихъ совокупному развитію, нехорошо то, что росту одной изъ этихъ силъ приносить въ жертву одну или обѣ другія. Не лгать, не убивать, любить другъ друга—

ХІІ

хорошо, ибо это не противорѣчитъ ни моему благу, ни благу всѣхъ людей и только выгодно для успѣховъ добра, истины и красоты. Но вотъ другой рядъ истинъ: собственность — зло, государственность — зло, раздѣленіе труда — зло. Итакъ, должно ли отказаться отъ нихъ? Нѣтъ, не должно, ибо, признавая въ нихъ несомнѣнное зло, я вмѣстѣ съ тѣмъ вижу, что отрицаніе ихъ въ *нынѣшнихъ условіяхъ исторической дѣйствительности* причинить людямъ великій ущербъ: безъ собственности въ современныхъ условіяхъ не будетъ досуга, а стало-быть, не будетъ и наукъ и искусствъ, безъ раздѣленія труда науки и искусства также невозможны, наконецъ, безъ государственности, опять-таки въ современныхъ условіяхъ, сильный пожретъ слабаго. Эти нормы, осуждаемыя объективнымъ нравственнымъ закономъ, до поры до времени нужны, потому что онѣ хотя до нѣкоторой степени умѣряютъ страсти и даютъ почву наукѣ и искусству. Разумѣется, это не исключаетъ частичной борьбы съ ними. Не отказываясь отъ этихъ, пока необходимыхъ, устоевъ нынѣшней цивилизаціи, я долженъ, однако, непрестанно помнить, что они противорѣчатъ нравственному закону, и стремиться къ тому, чтобы и въ своей частной жизни какъ можно меньше находить опору въ собственности или государственности, и какъ можно больше колебать эти устои въ сознаніи людей. Но отказываться отъ этихъ орудій я могу лишь въ той мѣрѣ, въ какой это не противорѣчитъ общему благу. Если я химикъ и мнѣ нужна лабораторія, то я поступлю неразумно, распродавъ свои тигли и реторты, чтобы помочь нуждающимся; совершенно такъ же люди сейчасъ не въ правѣ отказаться отъ собственности, потому что она обезпечиваетъ нѣкоторыя вѣчныя блага человечества. Въ одной изъ своихъ записныхъ книжекъ Эртель однажды такъ обосновалъ эту мысль: «Мнѣ думается, что раздати имѣніе нищимъ — не вся правда. Нужно, чтобы во мнѣ и въ дѣтяхъ моихъ сохранилось то, что есть добро: знаніе, образованность, цѣлый рядъ истинно хорошихъ привычекъ, а это все по большей части требуетъ не одной *головной* передачи, а и наслѣдственной. Отдавши имѣніе — отдамъ ли я дѣйствительно *все*, чѣмъ обязанъ людямъ? Нѣтъ, благо-